

Я прогуливался, опираясь на Рейвен из-за слабости по саду Кунь-Луня, оформленному в традиционном китайском стиле с их небольшими озерами, в которых плавают карпы и золотые рыбки, расставленными в определенном порядке камнями и клумбами с цветами. А над ажурными беседками красного цвета с загнутыми вверх, как у пагод, краями крыш медленно плыли рваные облака. Я приехал сюда, чтобы ненадолго забрать свою девушку, чтобы она проводила меня вместе с друзьями к portalу, который, возможно, отправит меня в один конец. Завещания уже написаны и в случае моей гибели или отсутствия в течении более трёх лет всё моё имущество будет распределено между Рейвен и друзьями. Старку отойдут все мои наработки и записи вместе с оборудованием. Стиву и Пегги будут перечисляться 90 процентов отчислений с моих акций Старка и ещё нескольких корпораций, которые я успел купить за все эти шесть лет. Точнее, деньги пойдут на финансирование ИКС-КОМа, но не могу же я так и написать в публичном завещании, верно? Ещё 10 процентов отойдут Эмме, чтобы моя названная младшая сестра ни в чём не нуждалась, даже в случае, если обо всех договоренностях мои, в таком случае уже бывшие, друзья забудут. И Рейвен я оставил самое дорогое — переделанный кристалл ноутбука, зачарованный мной на возможность хранения воспоминаний. В нём содержатся все мои воспоминания за исключением личных и просто лишних — не думаю, что Рей будут интересны все мои походы в туалет. А доступ к кристаллу будет иметь только она. Вот так и становятся Ситхами — сначала промывают всем мозги и пользуются телекинезом, а теперь и до голокрона дорос.

— Я боюсь, Рейвен, и мне не стыдно в этом признаться. Каждый из нас чего-то боится — травмы, боли, различных существ, непознанного, потери или просто смерти. Впервые в жизни мне так страшно, что хочется впасть в летаргический сон в надежде, что, когда я проснусь, то всё образуется само собой, — сказал я ей, открывая свои чувства, во время прогулки по дорожке, сложенной из подобранных друг к другу камней и вдыхая запах чудесных цветов.

— Ты боишься смерти? — поинтересовалась девушка, склонив голову ко мне и положив её на плечо. Запах её волос всегда нравился мне, как и ни с чем не сравнимое чувство прикосновения к моей коже. И ведь в её чувствах всё та же любовь, нежность и восхищение несмотря на то, что выгляжу я сейчас ужасно. Нам уже давно не нужны слова, чтобы говорить о своих эмоциях и телепатическая связь тут не причём. Только тот, кто ощутил близость душ, кто заканчивал предложения за другим и предсказывал желания без просьб может понять это ощущение.

— Я уже проживаю третью жизнь, Рейвен. Смерти я не боюсь, как не боюсь и боли. Я боюсь проснуться однажды и понять, что всё, что я сделал и добился, было зря, что я всё потерял. Что больше нет друзей, Эммы... Что нет тебя. А все мои достижения — не более, чем песочный замок, который разбил первый же прилив, — это было моим самым большим страхом. И именно это стало причиной моей спешки в погоне за силой. Когда отвечаешь только за себя, можно ждать, можно терпеть, потому что, даже если ты упадешь, всегда можно будет начать сначала. Но когда ты отвечаешь, волнуешься и боишься за других людей, то любая ошибка становится непростительной, второго шанса вернуть тех, кто был потерян, уже не будет. Любовь, долг и взятые на себя обязательства на деле оказались страшнее смерти.

— Ты зря беспокоишься, ведь мы не так уж и слабы. У нас сейчас нет даже достойных противников. Гидра сокрушена, и её остатки доживают последние дни, Ваканда прислала своего посла и заключила договор на обмен технологиями и ресурсами с ИКС-КОМом. Наша сеть разведки и влияния раскинулась на весь мир, и мы можем контролировать большую часть

мира. Всё хорошо, Чарльз. И всё это благодаря тебе, — мне ли не знать как все достижения легко уничтожить, убрав ключевых людей. Убери Пегги и Стива или Эмму, и всё, если не развалится, то сильно потеряет в силе. Кадры решают всё, как говорил один неоднозначный политический деятель, и я в этом с ним согласен. Можно найти тысячи солдат, сотни рабочих, десятки учёных, единицы командующих, но те же Пегги, Стив и Говард совершенно незаменимы. Именно поэтому я и дал им сывортку, чтобы их способности продолжали служить на благо. Их личное благо, благо мира и моё благо. Всё же, патриотом меня назвать нельзя. Как сын сразу двух Родин и противник зарвавшихся власть имущих я не могу сказать, кто мне нравится больше, США или СССР. А люди? Люди и там и тут есть как хорошие, так и плохие, так что моя Родина — это вся наша Матушка-Земля.

— Я знаю, любимая. Но страху не нужны логичные причины, чтобы разъесть изнутри как кислота, мешая адекватно мыслить. Я постоянно спрашиваю себя, а всё ли я сделал? Имею ли я право оставить вас сейчас? Ты же слышала Древнюю, Шанс у меня один, и либо я сгорю в адском пламени звездной короны, либо возрожусь фениксом, что после очищения огнем становится сильнее, — я оставлял этот вариант до последнего, слишком уж он опасный. Если количество энергии превзойдет мою скорость поглощения, я не успею даже подумать, как тут же исчезну. Если же скорость поглощения энергии будет слишком низкая, то резерв иссушит меня до смерти, прежде чем сможет заполниться. Именно поэтому я ждал, чтобы попытаться исправить проблему ближайшим испытанием атомной бомбы. Благо, выяснить ИКС-КОМу такую информацию труда не составило.

— Чарльз, что с тобой? Ты всегда был уверенным, шёл к цели несмотря на риск и моральные терзания, а сейчас я тебя не узнаю. С чего ты так раскис? — спросила она меня с беспокойством, когда мы подошли к беседке и сели на лавочку. Я и правда в последнее время стал гораздо эмоциональнее. И связано это, скорее всего, с моей развившейся эмпатией. Трудно оставаться хладнокровным, когда все люди, с которыми я общаюсь, чувствуют ко мне привязанность, уважение или любовь.

— Я... Я не знаю, Рей. Просто в последнее время я начал сомневаться. А правильным ли я путем иду? — и главное, нужно ли мне все это? Может стоило остановиться и просто наслаждаться жизнью? Эх, если бы не знание возможного будущего, что висит надо мной дамокловым мечом, я был бы гораздо счастливее и не гнался так за силой. Что спасло бы меня от такой ситуации. Но это проходит, когда я вспоминаю обо всех, кого встретил и с кем создал связи за последнее время, а это не вышло бы без данных знаний. А вместе столь тяжёлый груз становится легче.

— Чарльз, я уверена в тебе. Кем бы ты не стал, чтобы ты не сделал, я всегда буду с тобой и поддержу. Даже если ты будешь тираном или злодеем, мне все равно. Если ты не веришь в себя, тогда поверь в мою веру в тебя, — вот именно за это я Рейвен и полюбил. Я не промывал ей мозги, не ставил закладки, но она все равно искренне любит именно меня. Для такого эмпата как я это сильнее, чем доза для наркомана. Именно эмпатия стала одной из причин моего неприятия пыток и телепатической обработки на ближний круг. Если убийства ещё можно сделать мгновенными, то пытки и закладки делают неприятно мне самому, так и психом стать недолго.

— Ты права, пошло все к черту! Сделаю, что должно и будь что будет! — и я впился поцелуем в такие манящие губы моей девушки. Жаль, что для чего-то большего я в последнее время

бесполезен, что доставляет неприятные чувства. Это как каждый день видеть магазинчик, где выпекают самые вкусные булочки в мире, чувствовать их запах, но врач запретил тебе есть всё мучное.

— И всё же, прости, — сказал я, когда воздуха в легких стало не хватать, и я разорвал поцелуй. Все же, я сейчас слишком слаб даже для такого знака близости.

— За что? — удивилась она, впрочем, не отпуская меня из объятий.

— За всё, что ты переживаешь из-за меня. За волнение за меня, за то, что тебе пришлось обучаться на Железного Кулака, чтобы спасти меня, дурака. За то, что не уделял достаточно вниман... — мне не дали договорить, заставив замолчать, прижимая палец к моим губам.

— Тссс, Чарльз, дорогой. Тебе не за что извиняться — я всё понимаю. И даже если бы ты предложил мне провести со мной время в ущерб твоим делам, я бы отказалась. А насчет Кунь-Луны — я сама рада обучаться настолько сильному, возможно, что сильнейшему боевому искусству в мире. Ты сам говорил, что у меня огромный талант к рукопашному бою и отказываться от такого шанса станет только последний глупец. Если бы ты не пострадал, я бы сама к ним напросилась на обучение. Хотя... Если ты всё же чувствуешь за собой вину и хочешь отплатить мне, то пообещай, что, когда вернёшься, то женишься на мне, — после чего лукаво, как хитрая лиса, улыбнулась. Будто я против.

— С радостью, Рей. У тебя будет самое лучшее обручальное кольцо в мире, обещаю. Но я же могу и не вернуться, ты сама понимаешь, насколько это опасная затея. Поэтому я хочу попросить тебя забыть меня и жить дальше, если у меня не получится вернуться, — с горечью все-таки выдал я. Пусть лучше она проживёт счастливую жизнь без меня, чем заживо похоронит себя в бесплодном ожидании.

— Нет, Чарльз, никогда! — ожидаемо взъерилась она.

— Но... — попытался я возразить.

— Никаких но! Я никогда тебя не забуду, и, если мне будет суждено быть одной, я таковой и останусь. Если будет надо — до самой смерти буду искать и ждать тебя. А потом найду тебя в загробном мире и вытрясу всю твою наглую душонку за то, что не вернулся и оставил меня одну, — после чего расплакалась на моем плече. И вот как теперь её тут оставлять?

— Хорошо, хорошо, вернусь я, — однако Рей не отреагировала, продолжая плакать.

— ...Жди меня, и я вернусь, всем смертям назло. Кто не ждал меня, тот пусть скажет: — Повезло. Не понять, не ждавшим им, как среди огня, ожиданием своим ты спасла меня. Как я выжил, будем знать только мы с тобой, — Просто ты умела ждать, как никто другой, — поглаживая её волосы и спину, пропел я одно замечательное, но печальное стихотворение.

— Откуда эти слова? — спросила меня Рейвен, расплакавшись ещё больше, но теперь она хотя бы отреагировала.

— С моей старой Родины. Когда воины уходили на войну и могли не вернуться, они говорили это своим любимым, чтобы всегда знать, что их ждут, что им есть куда возвращаться, и они не имеют права умирать.

— Друзья мои, мы с вами многое пережили, и я рад и горд, что был с вами знаком и сражался плечом к плечу. К сожалению, из-за моей ошибки мне предстоит полет к поверхности другой звезды, чтобы выжить. Все вы и так знаете почему — внутри меня постоянно расширяющееся подпространство, которое необходимо быстро заполнить. Ничто на Земле не может выдавать такого количества энергии ни одновременно, ни постоянно.

— А почему не Солнце? Оно же ближе? — спросил меня Говард.

— Я не знаю, как это повлияет на нашу звезду, поэтому во избежание катастрофы я попросил у Древней несколько координат других звезд, которые находятся в центре безжизненных систем, — ответил я.

— Ты уже был там? Знаешь, что тебя ожидает? Как-то это глупо идти туда, неизвестно куда, — сказал он же.

— К сожалению, нет. Координаты эти не только пространственные, но и временные, ведь Вселенная находится в постоянном движении, и, если ты не знаешь конкретной точки прибытия, не можешь её вообразить, то приходится пользоваться таким методом. Так что ровно через три минуты я должен войти в портал, иначе «мой поезд» улетит дальше в космическое пространство. Ладно, Говард, не увлекайся слишком наукой, помни, что самая большая загадка вселенной заключена в самих людях. И это не их внутренности, — пожал я руку Старку и стукнулся плечом с ним. Несмотря на слабость кинетику-то я поглощаю.

— Стив, Пегги. Не вздумайте называть ребенка в честь меня — это скучно и банально. Лучше дайте ему красивое имя и рассказывайте, что его крестный где-то среди звёзд. Присмотрите в случае чего за моими девочками, — попросил я их.

— Не беспокойся, Чарльз. И если ты опоздаешь, то должен будешь подарить подарки за все пропущенные дни рождения, — я получил такое же рукопожатие от Стива и поцелуй в щеку от Пегги.

— Яо, — впервые с дня нашей первой встречи я назвал Учителя по имени, — спасибо Вам за всё. За учебу магии, за помощь, за то, что поверили в меня. Я никогда этого не забуду, и Вы

всегда будете моим Учителем, — мне показалось или у неё повлажнели глаза?

— Девочки мои, — Эмма и Рейвен с самого начала обнимали меня и заливали слезами. — Ждите, и я вернусь, несмотря ни на что. Эмма, хорошо кушай, не гуляй после десяти и слушайся Рейвен.

— Ха, да шучу я, видели бы вы свои лица. Не промывай людям мозги слишком часто, это затягивает — по себе говорю. Любимая, ты за главную, — после чего меня крепко поцеловали в губы и щёки. — О, кажется, и время моё подошло! Буду первым землянином, после Вакандцев, вышедшим в космос!

Мы все полукругом стояли возле арочного одностороннего стационарного портала из вибриума на дне высохшего озера Солт-Лейк, создавшего почти идеально ровную поверхность. Односторонний — потому что на той стороне может оказаться ядро звезды и всей планете мало не покажется, если портал будет обычным. Вокруг на многие километры не было ни одной живой души, так что и насчет свидетелей опасений не было. Всё было готово к моему шагу в пылающую бездну. Я не стал задерживаться у края, одним рывком пройдя сквозь тёмную с завихрениями пелену портала и увиденное заставило меня грязно выругаться на семи языках.

С другой стороны портала меня ожидало грандиозное зрелище колоссальной пылающей звезды, занимающее почти весь горизонт. Любой человек или даже материал сгорел бы, оказавшись на таком расстоянии, а его прах разметало бы солнечным ветром. Когда я просил Яо найти звезду побольше, я не имел ввиду голубой сверхгигант. Однако я не чувствовал дискомфорта, только то, что энергия начала поступать бешеными темпами. Моя задача — успеть наполнить свой резерв до того, как вытянется вся ци и вернуться после этого с помощью отдельно созданного одноразового портала в вибриумном браслете, накачанном энергией пространства и магией под завязку. Силы в нём столько, что можно будет телепортироваться домой даже из искажённого гравитацией пространства. По сути, мне и делать-то ничего не надо, бессердечная гравитация сама потянула меня к поверхности звезды, а благодаря поглощению сопротивление стало нулевым. К своему обеспечению я подошел ответственно, потому что не знал, позволят ли силы Дарвина мне выжить в открытом космосе или нет. Внутри носа и рта я сделал татуировки, которые связаны с отдельным пространством где-то в ином измерении и позволяют питаться и пить, не открывая рта, а также дышать. Особо много я не успел подготовить, но на пару лет должно хватить.

Уже целый день по моим ощущениям я лечу с постоянно растущей скоростью и ускорением, а резерв все растет и растет, и не думая наполняться. Так же прошел второй, третий и четвертый день, когда отток ци увеличился настолько, что мне стало значительно хуже. Пятый, шестой и седьмой день я урывками приходил в себя и снова терял сознание. Все было так же — резерв рос, а я умирал. Меня начали мучить галлюцинации. Я слышал, как мои друзья из прошлой жизни зовут к себе, как мёртвые родители из прошлой и нынешней жизни говорят, что пришло время присоединиться к ним. На восьмой день, используя остатки сил, я на мгновение пришел в себя и понял, что если не погржусь в звезду сейчас, то потеряв сознание, уже не очнусь. И я решил. Я перенастроил мысленно браслет и телепортировался настолько глубоко в звезду, насколько мог.

Ригель — голубой сверхгигант, находится в 860 световых лет от солнечной системы. Обладая массой в 20 раз, диаметром в 74 раза, а светимостью в 130 000 раз больше Солнца, являлась крайне негостеприимной звездой для любого космического корабля, буквально испаряя их даже на довольно большом от поверхности звезды расстоянии. Превратилась в сверхновую раньше срока при невыясненных обстоятельствах, — из путеводителя Звездного Лорда для космических автостопщиков, том 2, страница 80.

Система Ригель, созвездие Ориона. В 0,5 астрономических единиц от поверхности звезды.

Около довольно молодой, всего восемь миллионов лет, звезды, появился незначительный в сравнении с ней человек. Пылинка, незаметная на фоне мерцающего зарева чужого ей солнца. И всё бы ничего, да только вот человек и не думал превращаться в звездную пыль, из которой и состоял, а спокойно наслаждался целым спектром жёсткого рентгеновского, гамма, бета и альфа излучения, а также мощным солнечным ветром, который легко сдул бы на таком расстоянии атмосферу даже такой большой планеты как Юпитер. Вместо этого вопреки физике он начал приближаться к звезде, все быстрее и быстрее. По прошествии десятка земных суток человек выглядел как живой мертвец — весь истощённый, обезвоженный и похожий на старика. Вот он пришел в себя, с трудом вздохнул полной грудью и исчез, появившись в зоне конвекционного переноса рядом с термоядерной «печкой» звезды. Куда и продолжил падать без сознания, находясь при таком кошмарном давлении и температуре, что теория известной ему физики начинает барахлить, а квантовые эффекты влиять на макромир. Впрочем, человеку это, наоборот, пошло на пользу, и он начал стремительно восстанавливать свой молодой и симпатичный первоначальный облик. Долго это не продлилось, резерв человека уже через час перестал расти, а ещё через три полностью заполнился и тут случилось страшное — человек не мог больше поглощать энергию, и внешняя среда начала влиять на него. Если бы не гигантские запасы энергии внутри него, то он испарился бы меньше, чем за микросекунду. Однако, это только продлевало агонию бесчувственного тела, сжигая его температурой, превосходящей жар в эпицентре ядерного взрыва, сжимая давлением, которого достаточно, чтобы сжать целую планету в бейсбольный мяч и облучая его такими дозами смертельной радиации, которым не придумано названий. Тело человека регенерировало, перестраивалось, пыталось адаптироваться посредством генов и мутировало с помощью сыворотки. Его кожа менялась, становясь то твёрдой как кость скорлупой, то превращаясь в тончайшие плёнки, заполненные жидкостью, лишь бы защитить крупницы жизни внутри тела от внешних адских условий. Обгоревшие конечности изменялись, чтобы лучше отводить тепло из тела и стали похожи на крылья летучей мыши, лишённые перепонки. А вместо истлевших волос из под кожи проросли тонкие длинные костяные иголки. Тело продолжало корёжить множеством трансформаций ради одной единственной цели — выживания. Это помогло на некоторое время, оттягивая неизбежный, казалось бы, конец. Как, вдруг, в теле непонятно как ещё живого куска мяса засветились синие осколки, начавшие наполнять подпространство внутри мужчины синим пламенем энергии пространства, заставив расти его как на дрожжах. И организму постепенно стали возвращаться черты близкие к

человеческим, разве что чуть более массивные. А заполненные силой двойное кольцо и браслет с порталом, передав всё, что в них было синим осколкам, стали подвержены воздействию звезды и двумя каплями неньютоновской жидкости улетели, несомые гравитацией и термоядерными реакциями внутри небесного светила. Следующие семь лет мужчина падал к ядру звезды, а осколки не давали его резерву переработанной энергии переполниться, пока, в конце концов он не прибыл в центр, в котором из-за того, что гравитация равнонаправленна в разные стороны он со временем и остановился, как маятник, потерявший импульс. Почти три года после этого, человек впитывал чудовищные объемы энергии, производимые почти что всей звездой, пока из-за снижения внутреннего давления в ядре гравитация не обрушила все верхние слои вниз, вызвав титанический взрыв под названием Сверхновая.

Очнулся я в слоях ярко светящегося и, по всей видимости, очень горячего и плотного газа, из-за чего не только окружающие звезды, но и руку можно было разглядеть с трудом. Как я здесь оказался? Последнее, что я помню — это пространственный прыжок навстречу звезде. Неужели я промахнулся и попал куда-то в другое место? Вполне возможно. Правда есть и ещё один вариант, который мне очень и очень не нравится. Впрочем, не обошлось и без плюсов — крайне порадовало пусть и абсолютно голое, но невредимое тело, которое покрывали тугие канаты мускул, как у Стива. Да и осколки Тессеракта наконец-то пропали. Самочувствие вообще было бы прекраснейшим, если бы не понимание, что я профукал свой единственный билет отсюда, потому что браслета на мне тоже не было, как и двойного кольца. Благо хоть к вакууму и радиации космоса помогли приспособиться гены Дарвина.

После того, как Чарльз исчез в тёмной пленке портала, и тот, выполнив свою работу, выключился, все разошлись кто куда. Стив с Говардом в ближайший бар, чтобы выпить за удачу их друга. Пегги осталась успокоить Рейвен и Эмму, которые не хотели никуда пока уходить, надеясь, что вот-вот их дорогой человек выйдет и скажет, что всё закончилось, и всё хорошо. А Йо отправилась к себе в Камар-Тадж, степенно прошла в свой кабинет и закрыла его на замок. В отличие от остальных магов она предпочитала не пользоваться магией в любых мелочах, считая, что это будет просто неуважением к мистическому искусству, но и мнения своего не навязывала. После взмаха рукой руны на стенах засветились золотистым цветом, после второго она выхватила будто из воздуха несколько осколков синего цвета и такого же цвета овальный камень. Сняв с постамента из окаменевших рогов давно вымерших зверей артефакт в виде глаза, она использовала его на вытащенных ранее предметах, восстанавливая Тессеракт в его первозданном виде. После ещё одного, последнего взмаха, куб исчез, а сама Древняя наконец-то тяжело вздохнула и ушла медитировать в сад камней.